

— Слушаюсь.

Сяо Ци, который много лет находился рядом с Янь Цзыюем, прекрасно понимал своего господина и, получив приказ, тут же развернулся и направился к маленькой кухне, на которую ранее указал Ань Юэ. В делах молодого господина можно было задержаться во всём, что угодно, только не с лекарством для господина Суна.

— Сяо Ба.

После ухода Сяо Ци Янь Цзыюй позвал ещё одного своего слугу, жестом приказав ему подойти.

— Молодой господин?

Услышав голос Янь Цзыюя, Сяо Ба сделал шаг вперёд, уставившись на него в ожидании дальнейших указаний.

К удивлению всех, Янь Цзыюй, после того как Сяо Ба откликнулся, долго ничего не говорил. Когда даже Сун Чжицянь уже хотел что-то спросить, Янь Цзыюй потер лоб и наконец произнёс:

— Передай сообщение домой, пусть принесут ту самую дуаньскую тушечницу из моей комнаты.

Услышав это, Сяо Ба с удивлением взглянул на Янь Цзыюя и, убедившись, что тот не шутит, поклонился и направился к выходу.

Даже Сун Чжицянь был удивлён этим приказом. Он знал, что эта дуаньская тушечница, принадлежавшая Янь Цзыюю, была редчайшим образцом, не только из-за материала, но и из-за мастерства резьбы. Говорили, что это творение великого учёного Юй Цинъюня из прошлой династии, и Янь Цзыюй, прежде чем заполучить её, прошёл через множество трудностей. Обычно он бережно хранил её дома, так почему же теперь решил привезти её сюда?

— Ты собираешься подарить её господину Ци?

Через некоторое время Сун Чжицянь понял причину. Если бы Янь Цзыюй не планировал её использовать, то и не стал бы за ней посылать. А теперь, когда он решил её привезти, это явно связано с Ци Чи.

— Вероятно, обычные вещи его не интересуют.

Янь Цзыюй махнул рукой и, взяв Суна Чжицяня за руку, направился в комнату. Конечно, отдавать тушечницу было больно, но, кроме неё, он пока не мог придумать, что ещё можно было бы подарить.

И Лу Яньси, и Ань Цзинсин обладали необыкновенной аурой, и обычные подарки им не подошли бы. Когда Ань Юэ привёл их сюда, по обычаю следовало бы дать награду, но Янь Цзыюй этого не сделал. Не потому, что был скуп или не хотел, а потому что понимал: обычные вещи, скорее всего, не произведут впечатления на Ань Юэ, и подарок может показаться незначительным. Лучше подарить Лу Яньси что-то действительно ценное.

Услышав это объяснение, Сун Чжицянь замолчал. Если бы не он, разве Янь Цзыюй стал бы расставаться с такой вещью?

— Ци Чи — человек необычный. Если бы я встретил его в другом месте, я бы тоже попытался с

ним сблизиться. Это не имеет к тебе отношения.

Янь Цзыюй сразу понял, о чём думает Сун Чжицянь, и прервал его размышления.

Сун Чжицянь, глядя на Янь Цзыюя, который держал его за руку, улыбнулся и больше ничего не сказал. Он прекрасно понимал, что Янь Цзыюй пытается его утешить. Раз уж он это понял, то не стал бы больше мучить Янь Цзыюя вопросом о тушечнице, лишь твёрдо решил в душе, что в будущем обязательно найдёт для него что-то ещё лучше.

Тем временем Лу Яньси и Ань Цзинсин вернулись в свою комнату. Едва войдя, Ань Цзинсин обнял Лу Яньси:

— Ты опять хотел что-то сотворить?!

Ань Цзинсин при Янь Цзыюе и Сун Чжицяне не мог ничего сказать, но теперь, оставшись наедине, он не стал сдерживаться и, говоря это, ущипнул Лу Яньси за нос.

— Что?

Лу Яньси посмотрел на Ань Цзинсина, моргнув глазами и изображая невинность, словно действительно не понимал, о чём тот говорит.

Ань Цзинсин с одного взгляда понимал, что творится в голове у Лу Яньси. Этот человек всегда так поступал, когда задумывал какую-нибудь проказу — внешне выглядел невиннее некуда!

— Что ты хотел сказать? А?

Ань Цзинсин придвинулся ближе к Лу Яньси, его взгляд стал опасным.

— Что я хотел сказать? Не клевети!

Лу Яньси снова моргнул. Конечно, он понимал, о чём говорит Ань Цзинсин, но раз он не произнёс этого вслух, то можно просто отрицать. Разве Ань Цзинсин сможет заставить его признаться?

— Хотел рассказать Янь Цзыюю, как меня зовут?

Ань Цзинсин ущипнул Лу Яньси за подбородок, в его голосе прозвучала угроза.

Не думай, что я не заметил, как ты, представляя меня, собирался сказать «Ван». Ван? Ван что? Ван Эргоу, да? С тех пор как в Оплоте Чёрного Ветра ему дали прозвище «Ван Эргоу», Лу Яньси не раз называл его так, особенно по ночам, в моменты страсти, шепча «братец Эргоу», что вызывало у Ань Цзинсина смешанные чувства.

— Гу Юань!

Лу Яньси снова моргнул, сохраняя невинное выражение лица. Если бы Ань Цзинсин недостаточно хорошо знал его, то, возможно, поверил бы в эту маскировку.

— Да? Значит, я ошибся?

Ань Цзинсин протянул палец и почесал Лу Яньси за подбородком, наблюдая, как тот щурится, словно кот. Сердце Ань Цзинсина слегка защемило, словно его поцарапали маленькими коготками.

— Именно так, ты ошибся.

Лу Яньси чувствовал, как палец Ань Цзинсина играет с его подбородком, хотел отстраниться, но не мог. Движения Ань Цзинсина были нежными, но уверенными, и Лу Яньси чувствовал себя очень комфортно.

Ань Цзинсин, глядя на Лу Яньси, покачал головой и улыбнулся, не говоря больше ни слова. Правду знали оба, и раз Лу Яньси упорно отрицал, Ань Цзинсин не стал бы настаивать. В конце концов, это не было чем-то важным, он просто хотел немного поваляться с Лу Яньси.

После шуток Ань Цзинсин перешёл к серьёзному вопросу:

— Этот Сун Чжицянь...

Говоря о Сун Чжицяне, даже Ань Цзинсин не мог подобрать подходящих слов, и в итоге просто замолчал, глядя на Лу Яньси. Он был уверен, что Лу Яньси знает что-то.

— Сун Чжицянь?

Лу Яньси удивился, услышав вопрос Ань Цзинсина. Почему он спрашивает о Сун Чжицяне, а не о Янь Цзыюе?

— Да, Сун Чжицянь.

Ань Цзинсин кивнул и описал свои ощущения от встречи с Сун Чжицянем.

— По логике, учитывая внешность Сун Чжицяня, такого быть не должно.

Сун Чжицянь был действительно красив, настолько, что даже Ань Цзинсин не мог сказать, что он менее привлекателен, чем Лу Яньси. Любовь к красоте присуща всем, и такая внешность неизбежно привлекала бы внимание, но если бы Сун Чжицянь не заговорил, Ань Цзинсин, вероятно, даже не заметил бы его присутствия.

— Вот как.

Лу Яньси прищурился, понимая, почему Ань Цзинсин сразу спросил о Сун Чжицяне. Он посмотрел на Ань Цзинсина:

— Значит, ты тайком разглядываешь красавцев?

Ань Цзинсин потёр лоб. Как же он мог забыть, что этот маленький проказник всегда начинает шалить, когда дело не слишком серьёзное!

— Разве это тайком?

Что ещё оставалось Ань Цзинсину, кроме как подыгрывать Лу Яньси?

— Я же наблюдаю за ними прямо при тебе!

Услышав ответ, Лу Яньси рассмеялся. Он заметил, что Ань Цзинсин становился всё более изобретательным. Тот человек, который был таким сдержанным и благородным во время свадьбы, теперь всё больше отходил от этого образа.

— Сун Чжицянь...

Лу Яньси подпер подбородок и посмотрел на Ань Цзинсина, его взгляд стал загадочным.

— Он очень умный и искусный в общении человек.

Раз Лу Яньси начал говорить, он, вероятно, продолжил бы, и Ань Цзинсин не торопил его, ожидая дальнейших слов.

— Ты слышал о Павильоне Орхидей?

Лу Яньси бросил быстрый взгляд на Ань Цзинсина.

— Слышал.

Сказать, что не слышал, было бы ложью. Павильон Орхидей был так же известен, как и Терем Весеннего Ветра, и в Сиюане о нём знали практически все, даже женщины в своих покоях.

Лу Яньси не стал бы упоминать Павильон Орхидей без причины, и раз он заговорил о нём сейчас, то это явно связано с Сун Чжицянем. Учитывая внешность Сун Чжицзяня, Ань Цзинсин начал догадываться, но не был уверен.

— Слышал ли ты об Изящном господине?

Лу Яньси снова посмотрел на Ань Цзинсина, задав ещё один вопрос.

Если самой известной девушкой в Тереме Весеннего Ветра была Шанси, то самым известным юношей в Павильоне Орхидей был Изящный господин.

<http://bllate.org/book/16474/1497309>